

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ПРЕПРИНТ

Коковцов В. Н.: жизнь и деятельность

Автор:

Белых Андрей Акатович, ИОН, заведующий научно-исследовательской лабораторией
актуальной истории, д.э.н., abelykh@inbox.ru

Москва 2021

Оглавление

Аннотация.....	3
Введение. Who is господин Коковцов?.....	5
Жизнь и карьера	7
Экономическая и финансовая политика	13
Управление военными расходами.....	20
Заключение	24
Приложение №1	26
Приложение №2	27
Приложение №3	28
Библиография.....	35

Аннотация

Работа посвящена изучению личности премьер-министра (1911 - 1914) и министра финансов (1904 - 1905, 1906 - 1914) Российской империи Владимира Николаевича Коковцова. За всю историю Российской Империи, Советского Союза и Российской Федерации Коковцов был единственным, кто совмещал пост министра финансов и высшую административную позицию. Несмотря на то, что о личности Коковцова уже написан ряд работ и даже защищено несколько диссертаций, не существует общей оценки его личности, не исследовалось его влияние на экономическое развитие России начала XX века, как одного из ключевых акторов той эпохи. В заполнении этого пробела и заключается ключевая цель работы. Предметом исследования является политическая биография, экономическая и финансовая политика, стремление ограничить военные расходы разумными пределами. Источниковой базой работы служат как личные материалы, оставленные самим Владимиром Коковцовым (воспоминания, письма), так и официальные документы. Ряд архивных материалов – докладные записки В. Н. Коковцова по финансовым вопросам обороны, впервые вводятся в научный оборот. В работе автор проверяет все источники на достоверность, подтверждая или опровергая некоторые факты, изложенные Коковцовым, используя при этом очень большой спектр современных методов исторической науки: принцип историзма, систематизации, историко-сравнительный метод и некоторые другие. Владимир Николаевич Коковцов был, без сомнения, выдающимся государственным деятелем. Он не был политиком в традиционном понимании слова, наоборот, служил как “честный бюрократ”. Неукоснительное соблюдение законов, честность, эффективная финансовая политика, любовь к России – вот что его характеризует.

Ключевые слова: история России, Коковцов В.Н., экономическая политика, финансы, XX век, военные расходы.

JEL: N13, N23, O23.

Summary

Abstract

This work describes life and activity of Vladimir Nikolaevich Kokovtsov, prime-minister (1911-1914) and minister of finance (1904-1905, 1906-1914) of the Russian Empire. In the history of the Russian Empire, of the USSR and of the Russian Federation, Kokovtsov was the only statesman to combine the position of minister of finance and of prime-minister. Though there are a number of works and several PhD theses devoted to Kokovtsov – a key actor of his time, a general evaluation of his personality and his influence on the economic development of Russia in the beginning of the 20th century is yet to be made. Filling this gap is the main goal of this work. The object of investigation is Kokovtsov's political biography, his economic and financial policy, and his efforts to reasonably limit military expenditures.

The work is based on both personal materials left by Vladimir Kokovtsov (memoirs, letters), and official documents. Several archived materials – memos on financial matters of military defense made up by Kokovtsov – are published for the first time. The author verifies authenticity of the sources and confirms or refutes some facts presented by Kokovtsov using an array of modern methods of historical science including the principle of historicism, principle of classification, comparative-historical method, and some others. Beyond doubt, Vladimir Nikolaevich Kokovtsov was an outstanding statesman. He was not a politician in the traditional sense. On the contrary, he served his country as an “honest bureaucrat”. Steadfast observation of laws, honesty, efficient financial policy, love for Russia – all these characteristics describe his personality.

Keywords: history of Russia, V.N. Kokovtsov, economic policy, finances, 20th century, military expenditures.

JEL: N13, N23, O23.

Введение. Who is господин Коковцов?

Владимир Николаевич Коковцов (1853–1943) – единственный российский государственный деятель, который одновременно возглавлял правительство и министерство финансов. Министром финансов Коковцов был с 5 февраля 1904 г. по 24 октября 1905 г. и с 26 апреля 1906 г. по 30 января 1914 г. Пост председателя Совета министров он занял 9 сентября 1911 г. и покинул его 30 января 1914 г., одновременно с оставлением должности министра финансов. Это был важный период в истории России. Русско-японская война, первая революция, создание Государственной думы, промышленный подъем, аграрная реформа. Роль Коковцова в это время была, безусловно, весьма значительной. После революции 1917 г. Коковцов эмигрировал, жил во Франции.

Возникает вполне законный вопрос – почему он так долго оставался в тени? Его воспоминания, вышедшие в Париже в 1933 году [1, 2], были переизданы в России только в начале 1990-х гг. [3]. Воспоминания других крупных деятелей – Валуева, Витте, Половцова – были изданы еще в советское время. И в наше время публикаций о Коковцове сравнительно немного, хотя вышли две монографии [4] и защищено несколько диссертаций¹. Тем не менее, если учесть значение деятельности Коковцова, исследователи пока не уделили ему достаточного внимания. Почему?

Если рассматривать советский период, то ответить на этот вопрос легко. Прохладное отношение к Коковцову – очевидное следствие его политической позиции после эмиграции. Он критиковал политику большевиков, считал, что они привели экономику России к упадку. Сами названия его публикаций говорят о многом: «Пять лет большевистской диктатуры», «Большевики за работой: разрушение морали и экономики в стране советов» [5]. В его воспоминаниях дается объективное описание того, что происходило в России в 1917–1919 гг. Понятно, что этот текст можно было опубликовать только после перестройки.

Сложнее объяснить умеренный интерес к Коковцову современных историков и экономистов. По нашему мнению, это объясняется особенностью стиля и характером деятельности Коковцова. Оценки современников были противоречивы. Одни характеризовали его как умелого финансиста, серьезного опытного чиновника, умело выстраивавшим отношения с другими министрами и с Государственной думой. Другие считали его довольно бесцветной личностью, особенно по сравнению со Столыпиным, его предшественником на посту премьер-министра. В книге современных историков собраны

¹ См., напр.: Зайцев М.В. Государственная деятельность В.Н. Коковцова: 1896-1914. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. Диссертации защитили Ю.А. Векшина и Е.А. Соколова.

позитивные и отрицательные мнения о Коковцове [б. с. 194–195]. (Однако неясно, какова же позиция самих авторов).

Приведем достаточно характерное суждение, сделанное А.С. Изгоевым, в статье, написанной после отставки Коковцова в 1914 г.: «человек он вполне корректный, превосходных знаток своего дела, прекрасный работник, строгий хранитель вверенного ему казенного сундука, недурной оратор с излишней склонностью к многоречивости, язвительный полемист, чересчур самолюбивый, положим, в сношениях с людьми до известного ранга, и т.д. и т.д. Но как политический деятель, как председатель совета министров!.. Да был ли он им на самом деле? Сохранился ли при нем «Объединенный совет министров», не превратился ли он в пустую фикцию?» [7] Изгоев на свой вопрос давал безусловно отрицательный ответ. Изгоев был проницательным аналитиком, талантливым журналистом, одним из авторов сборника «Вехи», членом ЦК партии кадетов. Когда в 1922 г. решался вопрос о высылке за границу людей, якобы враждебных советской власти, в списке Петроградского ЧК Изгоев стоял вторым, после Пителима Сорокина. Но, по нашему мнению, в данном случае его суждения, по крайней мере, неточны.

Проблема заключается в том, что общая оценка личности и деятельности Коковцова, его роли в экономическом развитии России, до сих пор отсутствует. Наша работа будет содействовать ликвидации этого пробела.

Жизнь и карьера

При описании жизни и деятельности любого исторического персонажа прежде всего встает вопрос об источниках информации. В данном случае наша задача выглядит несложной. Коковцов оставил обширные воспоминания о своей жизни, точнее, о государственной службе за период с 1903 по 1919 гг., которые сам опубликовал в 1933 г. В рукописи остались его записки о детстве и юности, хранившиеся в королевском музее армии и военной истории в Брюсселе. Но и они были изданы, правда, это произошло относительно недавно – в 2011 г. [8] Фактически вне его описания остались только два периода – служба до 1903 г. и годы, проведенные в эмиграции. Но даже о ранних годах службы некоторая информация содержится в книге воспоминаний Коковцова о детстве и лицейской поре. Годы эмиграции не остались без внимания историков [9, с. 151–169; 10, с. 6–11].

При, по всей видимости, достаточности источников нужно оценить их качество. Насколько они достоверны? Прежде всего, воспоминания менее точны, чем дневники, содержащие ежедневные записи. В мемуарах человек вольно или невольно приукрашивает себя и свои поступки. Когда Сальватор Дали написал свои воспоминания, к нему пришел его старый приятель Луис Бунюэль, с которым они сделали знаменитый фильм «Андалузский пес» (1929). «Зачем ты меня очернил?» - возмущенно спросил Бунюэль. Дали ответил: «Луи, ты задаешь странный вопрос. Я писал мемуары, чтобы возвеличить *себя*, а не тебя». Возможно, это легенда, но она очень характерна.

Мы не знаем, когда Коковцов начал писать свои воспоминания, но в предисловии к ним он утверждает: «на мне лежит именно этот долг сохранить от забвения и уберечь от неправды то, что проходило передо мною, хотя бы по тому одному, что у меня еще хорошая память обо всем, что было, а еще более потому, что я случайно сохранил также все, что мне удалось записать в свою пору, в виде коротких заметок, хотя и не сопровождаемых подробными записями, но зато, в последовательном порядке, оставивших след почти всем событиям, на которых останавливалось мое внимание. Эти записи послужили для меня тем источником, из которого я мог почерпнуть воспоминания, почти день за днем» [3, с. 23–24]. Фактически Коковцов утверждает, что его воспоминания близки к дневниковым записям. Это утверждение спорно. Прежде всего, самих воспоминаниях говорится, что при переходе границы с Финляндией в 1919 г. у него не было даже чемоданчика. Где могли храниться записки Коковцова, как и когда они попали к нему? Конечно, можно сказать, что в 1933 г., при издании воспоминаний Коковцов не мог написать об этом, опасаясь подвергнуть смертельной опасности того или тех, кто оставался в СССР и переправил записки за

границу. Не исключено, что версия о сохранившихся записках выдумана Коковцовым для придания своим мемуарам большей достоверности. Но как обстояло дело на самом деле, мы, скорее всего, никогда не узнаем.

Зато можно оценить достоверность текста Коковцова. Автор предисловия к изданию воспоминаний, известный историк В.И. Бovyкин, сделал вывод о «ценности этих воспоминаний как исторического источника, и достоверности многих содержащихся там сведений» [3, с. 7]. Вместе с тем, Бovyкин отметил, что «в воспоминаниях есть такие места, которые явно противоречат общеизвестным, документально установленным фактам» [3, с. 7]. Так, Коковцов пытается создать у читателя впечатление, что он не знал о назревании событий 9 января 1905 г. и о решении применить силу против рабочих. Второй эпизод, о котором пишет историк, это предание суду социал-демократической фракции Второй Думы. Трудно поверить, считает Бovyкин, что Коковцову не бросилась в глаза юридическая несостоятельность обвинения социал-демократов в заговоре, однако, Коковцов придерживается официальной версии силовых структур.

Можно указать и другие неточности в мемуарах Коковцова, в частности, в описании его взаимоотношений с С.Ю. Витте. Но в целом, конечно, нужно согласиться с мнением Бovyкина о достоверности воспоминаний Коковцова.

Итак, перейдем к краткому описанию жизни и карьеры Коковцова. Он родился 6 апреля 1853 г. Отметим, что во вступительной статье к воспоминаниям Коковцова о детстве утверждается, что он родился в Новгороде [11, с. 12]. На самом деле, в самих воспоминаниях сказано, что он родился в своем родовом имении Горны-Покровское. Усадьба находилась на расстоянии двух верст от ближайшей деревни – Кривошеино [8, с.31]. Даже по современным меркам это достаточная глушь. От Великого Новгорода на машине можно доехать за 4 часа, от последней квартиры, на которой Коковцов жил в Санкт-Петербурге последние четыре года до эмиграции, - за 5 часов (если ехать по скоростной трассе М11). Отец, представитель старинного, хотя и небогатого рода, Николай Васильевич Коковцов (1814—1873) служил инженером путей сообщения. Владимир был пятым ребенком в семье. Сначала он получил домашнее воспитание, затем учился во 2-й Санкт-Петербургской гимназии – с 1863 по 1866 г. В 1866 г. Коковцов, как первый по успехам в классе, успешный ученик, был переведен в Александровский лицей (до 1843 г. и переезда в Санкт-Петербург – Царскосельский лицей).

Обучение в лицее сыграло в судьбе Коковцова особую роль. Лицей был основан в 1810 г. по инициативе М.М. Сперанского и Первый параграф высочайше утвержденного 12

августа 1810 г. положения о Лицее гласил: «Учреждение Лицея имеет целью образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы Государственной» [12]. Самым известным выпускником Лицея стал, конечно, А.С. Пушкин, но в Лицее действительно получили образование многие крупные российские государственные деятели, в частности министр финансов М.Х. Рейтерн.

Коковцов закончил лицей с большой золотой медалью в 1812 г., получив чин титулярного советника (IX класс), и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургский университет², Однако, продолжить обучение Коковцову не удалось. После внезапной смерти отца от сердечной болезни в 1813 г. ему пришлось уйти из университета и начать работать, чтобы поддержать семью.

Служба Коковцова началась в Министерстве юстиции и продолжалась пять лет – с 1813 г. до 1818 г. [13; 14, с. 338–343]. Карьера развивалась неспешно. Сначала Коковцов стал кандидатом на занятие штатной должности, затем - младшим помощником столоначальника, потом старшим помощником столоначальника. В декабре 1815 г. он получает чин коллежского асессора. В январе 1816 г. становится столоначальником статистического отделения.

Во время работы в Министерстве юстиции у него появляется идея заняться переводами юридической литературы. Первый проект был правильным – он собирался перевести книгу Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях». Что-то не получилось, но саму книгу вскоре перевели на русский и издали в Польше в 1818 г.

В 1817 г. Коковцов командирован в распоряжение К.К. Грота. Грот, выпускник Царскосельского лицея 1805 г., крупный чиновник, в 1817 году возглавил созданную в составе Государственного совета комиссию о тюремной реформе. Коковцов сопровождал Грота в его поездке, целью которой было изучение положения тюремных учреждений в различных областях России. В 1818 г. Коковцов командирован за границу для ознакомления с тюремным вопросом в иностранных государствах.

В 1819 г. Коковцов получает чин надворного советника и назначен исполняющим должность инспектора Главного тюремного управления Министерства внутренних дел. Его служба в МВД продолжалась до 1830 г., в 1824 г. Коковцов получает чин статского

² Этот факультет сыграл особую роль в обучении государственных служащих – его закончили А.Ф. Керенский, В.И. Ленин, В.И. Путин и Д.А. Медведев.

советника, в 1886 г. – действительного статского советника. В 1890 г. Коковцов, совместно с С.В. Рухловым издает сборник документов о тюрьмах [15].

В 1890 г. Коковцов перешел на службу в Государственную канцелярию, в 1895 г. он становится помощником государственного секретаря В.К. Плеве.

С 1 марта 1896 г. по 14 апреля 1902 г. Коковцов – товарищ министра финансов С.Ю. Витте. В мае 1896 г. Коковцов получает чин тайного советника, в 1900 г. стал сенатором, в 1902 г. – государственным секретарем. В 1901 г. Коковцов входит в совет Александровского лицея. (Впоследствии он стал попечителем лицея и в 1917 г. предпринимал усилия для его сохранения).

В 1904 г., 28 марта, Коковцов становится министром финансов. На этой должности он пробыл недолго – до 24 октября 1905 г. Причиной ухода стали разногласия с Витте, который в октябре 1905 г. возглавил Совет министров. Но день отставки Коковцов получает чин действительного тайного советника – это уже второй, предпоследний класс³.

Но уже 22 апреля 1906 г. Витте уходит в отставку и 26 апреля Коковцов снова становится министром финансов.

После убийства П.А. Столыпина Коковцов, с сентября 1911 г. – председатель Совета министров. Совмещая две важнейшие должности, Коковцов сыграл значительную роль в развитии экономики страны. Его отставка состоялась 30 января 1914 г.

После отставки в 1914 г. Коковцов был оставлен статс-секретарем и сенатором, но уже не занимал государственных должностей. 9 января 1917 г. он был назначен попечителем Александровского лицея.

После февраля 1917 г. был арестован, но вскоре выпущен и жил в своем имении в Горны. Временное правительство создало «Чрезвычайную следственную комиссию, для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств», в сентябре 1917 г. Коковцов был вызван на допрос в эту комиссию. После допроса он уехал в Кисловодск и пробыл там до мая 1918 г. В июне 1918 г. он вернулся в Петроград, 13 июля снова был арестован. 22 июля Коковцова допрашивал

³ За всю историю Российской империи чин первого класса (канцлер) получили буквально единицы, в том числе А. М. Горчаков, однокашник Пушкина, закончивший Царскосельский лицей с золотой медалью.

руководитель Петроградского ЧК М.С. Урицкий. После допроса Коковцов был освобожден.

В книге «Министры финансов России» после информации об освобождении Коковцова есть следующий пассаж: «По некоторым предположениям, в 1918 году Коковцов побывал в Омске, где вместе с другими экономистами давал советы министру финансов правительства А.В. Колчака И.А. Михайлову» [16, с. 197]. Это странно. Авторы не дают никакой информации об источнике «предположений». Встает естественный вопрос – как и когда Коковцов мог бы добраться до Омска? Если бы ему даже удалось покинуть территорию, контролируемую большевиками, зачем было бы возвращаться в Петроград? И почему о таком важном эпизоде Коковцов ни словом не обмолвился в своих воспоминаниях? Приходится сделать вывод о недостоверности такой гипотезы.

На самом деле, жизнь Коковцова после ареста и допроса в ЧК описана в его воспоминаниях достаточно подробно. Понимая, что опасность нового ареста была высока, и что оставаться в России ему нецелесообразно, Коковцов решил эмигрировать.

Последние годы Коковцов жил в квартире на Моховой улице (дом 27-29а). Оставив в домовоей книге запись о том, что он уезжает в Москву, Коковцов переехал на другую квартиру, затем 18 ноября 1918 г. нелегально перешел границу с Финляндией в районе Сестрорецка. Из Финляндии Коковцов переехал в Лондон, затем – в Париж. В Париже он поселился в квартире на улице Марсо (дом 70), ведущей от площади Шарля де Голля⁴ прямо к набережной Сены. До площади Звезды – 300 метров, до Сены – километр.

В 1919 г. Коковцов стал председателем Административного совета Международного коммерческого банка (бывшего отделения Петроградского международного коммерческого банка) и Комитета русских частных коммерческих банков. История русских коммерческих банков за границей, после 1917 г. еще не написана, но важно учитывать, что валюта банков хранилась на корреспондентских счетах в иностранных банках. Понятно, что после национализации банков в советской России эти средства остались у зарубежных банков. Те банки, которые имели отделения за границей, естественно, могли распоряжаться этими средствами. Коковцов до революции входил в совет Петроградского международного коммерческого банка и поэтому его назначение в Международный коммерческий банк в Париже было вполне логичным. Таким образом, Коковцов получил не только возможность обеспечить свою семью, но и помогать русским эмигрантам, в

⁴ Другое название – площадь Звезды, на ней расположена Триумфальная арка.

частности, бывшим лицеистам. С 19 октября 1920 г. он стал председателем правления Объединения лицейцев за рубежом. Позднее Коковцов инициировал создание архива лицейцев. Более подробно деятельность Коковцова в этот период рассмотрена в работах М. Ковалева и С. Некрасова.

В квартире на улице Марсо Коковцов прожил до самой смерти в 1943 г. Он похоронен в крипте церкви на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа⁵.

Подводя итог рассмотрению жизнедеятельности Коковцова, можно сделать вывод о том, что карьеру он сделал сам. Ему не помогал однокашник, как А.В. Головин М.Х. Рейтерну, представивший его великому князю Константину Николаевичу, в его жизни не было благоприятного «случая», как у Витте, который возражал против неправильной загрузки императорского поезда, о чем Александр III вспомнил после крушения его поезда в Борках. Чего же добился Коковцов, занимая ключевые посты в администрации Российской империи?

⁵ Это около 30 км от южной части Парижа. У входа на кладбище расположена карта, на которой показаны могилы знаменитых людей. Фамилии Коковцова на ней нет. Церковь не всегда открыта для посещения – оба раза, когда автор этой работы приезжал на кладбище, поклониться праху Коковцова ему не удалось.

Экономическая и финансовая политика

Как отмечалось выше, публикаций о Коковцове относительно немного, но его экономическая и финансовая политика почти не привлекала внимания исследователей. Если речь идет об анализе его работ, написанных в эмиграции, то, к сожалению, приходится согласиться с мнением М.В. Ковалева: «Имеющиеся немногочисленные примеры изучения экономических работ В. Н. Коковцова нельзя признать успешными [9, с. 154]. Во-первых, авторы крайне предвзяты в выборе источников – они произвольно берут одни работы В. Н. Коковцова и при этом совершенно игнорируют другие, а во-вторых, они банально пересказывают их содержание без должной аналитической оценки [17, с. 26–28; 18, с. 61–64].

Но и деятельность Коковцова на посту министра финансов еще не получила должного места в современных исследованиях. Поэтому ее анализа прежде всего стоит обратиться к его воспоминаниям⁶. Хотя, как отмечалось выше, воспоминания Коковцова не дневник, они все же дают хорошее представление о том, каким Коковцов хотел выглядеть в глазах современников и потомков. В воспоминаниях отдельная глава посвящена его финансовой и экономической политике и развитию государственных финансов и производительных сил России за десятилетие 1904–1913 гг.

В самом начале главы Коковцов делает декларацию: «Не раз в моих публичных выступлениях в Государственной Думе и в Государственном Совете я открыто заявлял с трибуны, что я не был новатором в деле управления русскими финансами и не проложил новых путей для экономического развития страны. Моя роль была гораздо более скромная – я старался сберечь, охранить и развить то, что было сделано моими предшественниками, и если эта задача была мною выполнена, и России показала за 10-тилетие с 1904 по 1914 год замечательный экономический расцвет, то заслуга принадлежит не столько мне, сколько всему укладу финансового управления, которое шло путем строгой преемственности за длинный период, начавшийся задолго до моего времени» [3, с. 300].

Что имелось в виду под «преемственностью»? В речи в Государственной думе на заседании 21 ноября 1911 г. Коковцов ссылается на Леона Сэя, французского экономиста, который сказал: «в делах финансовых существует только одна правильная политика – это политика бюджетного равновесия» [3, с. 302]. В одном последних выступлений перед Государственной думой, состоявшемся 10 мая 1913 г., Коковцов еще раз вернулся к этой

⁶ «Профессор, снимите очки-велосипед – говорил поэт – Я сам расскажу о времени и о себе».

мысли: «Мы должны стремиться к тому, чтобы вне пределов крайней необходимости не заключать займов. Для этого есть единственное средство, это средство – блюсти, и при том блюсти как зеницу ока, то, что я называю бюджетным равновесием, соразмерять потребности государства с его средствами и жить в соответствии с этим» [3, с. 303].

Таким образом, суть финансовой политики Коковцова можно сформулировать достаточно просто. Он исходил из двух принципов:

- поддерживать равновесие между доходами и расходами;
- привлекать, по мере необходимости, внешние и внутренние займы.

В литературе встречается утверждение, что Коковцов не внедрил каких-либо финансовых инноваций. Так, Изгоев писал: «Основная заслуга В. Н. Коковцова в том, что он следовал по стопам С.Ю. Витте. Тот был творческой, движущей силой, был смелым новатором, разрешившим ряд крупных вопросов. В. Н. Коковцов охранял то, что сделал С. Ю. Витте, охранял и хорошее, и дурное» [7. с. 155]. Действительно, политика Коковцова была консервативной. Но даже критически настроенный к Коковцову Изгоев признавал: «Только будучи консерватором (в подлинном смысле слова) в финансовой области, В. Н. Коковцов и мог привести наши финансы в такое состояние, что они пережили и несчастную войну, и тяжелую смуту, что в заграничных финансовых сферах Россия сохранила свой кредит, не попав под международную администрацию» [7. с. 155].

Но если оценивать политику борьбы за бюджетное равновесие трезво, то стоит признать, что в такой политике нет никакого открытия, именно так должен вести дело любой здравомыслящий министр финансов в любой стране. Именно это пытались делать Е.Ф. Канкрин [19] и Рейтерн [20], этим принципам следовали и Н.Х. Бунге и С.Ю. Витте. Как мы видим, Коковцов под «предшественниками» понимал не только и не столько Витте, сколько экономистов XIX века. Да, собственно, что нового было придумано в финансовой сфере по сравнению с тем, что уже знали генуэзские и флорентийские банкиры в период Возрождения?⁷

Главное в деятельности Коковцова заключалось не в том, что он декларировал принципы своей финансовой политики, а в том, что он смог проводить их в жизнь. Несмотря на противодействие, он добился сохранения конвертируемости рубля в период

⁷ Одно из очевидных нововведений – создание рынков деривативов. Но хороший вопрос, насколько эта инновация содействовала развитию экономики. Кризис, начавшийся в 2008 г., привел к переоценке значимости этого финансового инструмента.

русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. По сути, это во многом обеспечило экономический подъем России в период до 1917 года.

Вопрос об оценке того или иного государственного деятеля непрост. Нам уже приходилось отмечать, что «в одном случае позитивные события могут неправильно приписываться его усилиям. В другом случае его деятельность может ошибочно считаться причиной тех или иных негативных событий. Иначе, о государственном деятеле можно сказать, что экономические результаты были достигнуты “при нем”, “благодаря ему” или “вопреки ему”» [21, с. 15]. Про Коковцова можно с уверенностью утверждать, что достижения российской экономики в начале XX века, до Первой мировой войны, происходили во многом «благодаря ему».

Один из немногих современных экономистов, который воздал должное экономической политике Коковцова, был В.А. Мау. Он специально отметил, что Коковцов в декабре 1912 г. представил IV Государственной думе план основных направлений деятельности правительства. «План был среднесрочный и охватывал примерно пятилетие. То есть фактически уже был задан ставший позднее классическим период перспективного (среднесрочного) государственного планирования экономической и социальной жизни страны. ... Поставив в качестве общей задачи деятельности российских властей обеспечение “хозяйственного преуспевания населения”, этот план особо выделял задачи аграрной политики, торговли хлебом, дорожного строительства, орошения и ряд других. Однако многие из этих начинаний были остановлены Первой мировой войной» [22, с. 95].

На все события – как во внутренней жизни России, так и на международной арене, Коковцов смотрел под углом зрения сохранения законности и финансовой стабильности в России. Он хорошо понимал, что действительное бюджетное равновесие, соотношение расходов и доходов возможно лишь в условиях политической стабильности. Коковцова нельзя причислить к либералам, но он не был и консерватором-реакционером. Он был монархистом, но исходил из того, что, если монархом утверждены те или иные законы, их необходимо соблюдать. Именно законность тех или иных мероприятий во многом определяло отношение Коковцова к ним формировало его решения.

Характерными являются действия накануне и после событий 9 января 1905 г. В докладе Николаю II от 19 января 1905 г. по поводу последствий «кровавого воскресенья» Коковцов утверждал: «всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилием над имуществом или личностью) есть явление чисто экономическое и при известных условиях отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию» [23, с. 21].

Политику министерства внутренних дел по отношению к забастовкам Коковцов считал ошибочной, главной проблемой было стремление придать действиям рабочий политический характер. Он писал в этом доклад: «По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работ на фабриках и заводах и забастовки не отождествлялись с нарушениями общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от незаконных и неосновательных и принимать соответственные меры к миролюбивому соглашению сторон; при подобном более нормальном положении меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие действительность беспорядка» [23, с. 20].

В своем докладе Коковцов показывал, что полиция сама создавала организации рабочих, надеясь, что тем самым удастся контролировать рабочее движение, но в результате не смогло этого добиться. Поэтому Коковцов противился попыткам изменить статус фабрично-заводской инспекции, находившейся в ведении министерства финансов, и передать ее министерству внутренних дел и добился в этом успеха.

Для Коковцова понятие «честный бюрократ» включало, в том числе, честность и аккуратность статистики. Характерен следующий эпизод. Санкт-Петербургское телеграфное агентство находилось в ведении министерства финансов. Организацией и проведением выборов заведовало министерство внутренних дел, подчинявшееся Столыпину. В январе 1907 г., когда заканчивалась компания по выборам во вторую Государственную Думу, у Коковцова возник конфликт со Столыпиным. Данные о проходивших выборах, поступавшие от агентства, расходились с цифрами из телеграмм, которые губернаторы посылали Столыпину. Столыпин считал сведения Коковцова ошибочными и объяснял это неопытностью корреспондентов агентства [3, с. 214]. В итоге оказалось, что Коковцов был прав и вторая Дума оказалась еще более левой, чем первая.

Действительно, отношения Коковцова со Столыпиным были достаточно сложными. С одной стороны, Столыпин был главой Совета министров, а Коковцов – министром финансов. О многих своих действиях Коковцов должен был докладывать Столыпину, при этом обычно ему удавалось объяснить свою позицию и обеспечить согласование. В своих воспоминаниях Коковцов писал: «Столыпин в шутку говорил мне, и с глаза на глаз, и в

заседаниях Совета Министров, что он состоит на службе по Министерству Финансов больше, чем то Министерству Внутренних Дел, и я не переставал открыто говорить, что без его поддержки я просто не вынес бы моей работы» [3, с. 210]. Столыпин признавал, что не является специалистом в финансах и в соответствующих вопросах обычно доверял Коковцову.

Однако, в декабре 1906 г. возник серьезный конфликт, который мог привести к уходу Коковцова с поста министра финансов. Министерство внутренних дел внесло на рассмотрение Совета министров проект реформы губернского управления. Столыпин совмещал должности главы кабинета и министра внутренних дел, и дал всем понять, что этот проект он считает очень важным. Министры постарались достаточно благосклонно отнестись к этому проекту и как можно меньше спорить. Коковцов пишет, что он «применил ... мало похвальный оппортунизм» и заявил, что не будет высказывать возражения по многим пунктам. Столыпин попросил Коковцова все же высказаться, и они договорились, что Коковцов передаст замечания лично Столыпину [3, с. 210].

На самом деле, в проекте была статья, с которой ни один министр финансов ни в одной стране никогда бы не согласился. Она предусматривала «отнесение на счет казны всех необходимых расходов по земствам и городам, для которых собственные средства их оказываются недостаточными». При этом «необходимость» определялась мнением «губернатора, губернского совета и высшего центрального совета по делам местного хозяйства» [3, с. 210-11]. Коковцов пытался убедить Столыпина, что принятие такого закона лишит министерство финансов возможности контроля за расходами и нарушит бюджетное равновесие. Столыпин стоял на своем, Коковцова уговаривали другие министры, но все же в конце концов Столыпин перестал настаивать. Коковцов не стал подавать в отставку и, как он пишет, отношения со Столыпиным «остались до самой его кончины теми же сердечными и дружескими, какими были в самом начале, если не считать нового осложнения, которое возникло между нами уже позже из-за Крестьянского Банка» [3, с. 213]⁸.

Эпизод с Крестьянским банком очень характерен. Крестьянский поземельный банк был создан в 1882 г. с целью предоставления долгосрочных ссуд крестьянам для покупки земель, прежде всего у дворян. Как и все банки в России до 1917 г. Крестьянский банк

⁸ На самом деле, у них были и другие разногласия. Так, Столыпин просил у Коковцова выделить три миллиона рублей на организацию выборов в IV Государственную думу, а Коковцов вполне резонно возражал, что такими деньгами он сам не может распоряжаться. Но в целом, действительно, из отношения были нормальными.

подчинялся министру финансов. В ходе осуществления аграрной реформы, в 1910 г. у Столыпина и главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина возникла идея передать банк из министерства финансов в ведение министерства земледелия. Они думали, что в этом случае удастся резко увеличить размер кредитования крестьян. Это была несколько наивная идея, у нормально работающего банка политика кредитования не зависит от подчиненности. Но, очевидно, предполагалось, что, если банк будет находиться в ведении Министерства земледелия, на него будет проще осуществлять административный нажим.

Для реализации этого проекта Столыпин, понимая, что встретит сопротивление Коковцова, придумал на некоторое время отправить его из Петербурга. В октябре 1910 г. Столыпин спросил у Коковцова, не думает ли тот отдохнуть. Коковцов ответил, что у него «еще с лета была мысль проехать в Париж, чтобы запастись платьем на зиму». Столыпин поддержал его и доложил об этом Николаю II. При следующем докладе Коковцова государю тот сказал: «Я командирую Вас в Париж к Вашему портному и прошу Вас не отговариваться недосугом, потому что через месяц опять начнется Ваша ужасная думская работа. Как только Вы ее выдерживаете!» [3, с. 365].

За время поездки Коковцова за границу Столыпин и Кривошеин доложили вопрос государю, заручились его поддержкой, но предупредили, что Коковцов будет против. Понятно, что Коковцов не мог бы согласиться с такой реорганизацией работы банка и дело было вовсе не в личных амбициях. Крестьянский банк для выполнения своих операций выпускал закладные листы, которые были ценными бумагами, обращались на рынке. По сути, предлагалось создать в стране еще один эмиссионный центр, не подконтрольный министерству финансов и государственному банку.

После возвращения в Петербург Коковцов встретился со Столыпиным и был проинформирован о сложившейся ситуации. Коковцов изложил свою позицию: «я не принадлежу к разряду людей, которые идут на компромиссы в делах, имеющих для меня принципиальное значение». Передача Крестьянского банка в управление министра земледелия испортит денежный рынок и «согласиться на такую меру добровольно, а тем более приложить к ней руку, может только такой министр финансов, который цепляется за свое место, а таким Министром я никогда не был, да и не могу быть» [3, с. 370-371].

Столыпин стоял на своем, Коковцов доложил о своих возражениях Николаю II и предложил проводить подготовку законопроекта о передачи банка по ведомству земледелия и землеустройства. Но если, добавил Коковцов, дело дойдет до рассмотрения

на Совете министров, он выскажет свои возражения и будет готов уйти в отставку. Государь чувствовал себя связанным обещанием, данным Столыпину и не хотел давать обратный ход. Он согласился с предложением Коковцова, однако, дальнейших событий в данном направлении не происходило. В итоге банк остался в подчинении министерства финансов.

Для нас в этом эпизоде важно проявление характера Коковцова. Да, он предпочитал компромиссы, а не открытую борьбу. В этом его многие упрекали, но для дела такая политика была, по нашему мнению, более полезна. Однако, когда доходило до принципиальных вопросов, Коковцов был готов подавать в отставку, несмотря на то что он не был человеком состоятельным и доходы от государственной службы были для него более чем существенны.

Его желание и умение настаивать на том, что он считал важным для страны, ярко проявилось в управлении расходами на оборону.

Управление военными расходами

Чиновник, находящийся на той или иной должности, должен исполнять свою ролевую функцию. В правительстве любой министр заинтересован в увеличении расходов для достижения целей, которые перед ним стоят. И только министр финансов обязан следить за общей ситуацией и за балансом доходов и расходов государственного бюджета. В такой стране как Россия военные расходы всегда составляли значительную часть бюджета. Соответственно, после создания системы министерств в начале XIX века, определенные противоречия между министром финансов и военным министром были почти неизбежными. Арбитром при этом выступал император. Но если министру финансов М.Х. Рейтерну приходилось спорить с прогрессивным военным министром Д.А. Милютиним [24, с. 123-155], то у его последователей ситуация была порой совсем другой.

Коковцова часто упрекали в том, что его политика экономии расходов не позволила стране развивать военную мощь и подготовиться к большой войне. В какой-то степени его оппонентам помогало то, что информация о финансировании военных операций в большой степени была секретной и на самом деле голословные обвинения не так просто было опровергнуть. Понятно, что определение оптимального уровня военных расходов – сложная политическая, экономическая и военная задача. При этом Рейтерн, еще до того, как стал министром, четко сформулировал: «Если в истории есть факт несомненный, то это, что развитие военных сил, несоразмерное с финансами, ослабевает государство даже в военном отношении, не говоря уже о других» [25, с. 36-37]».

Какова была позиция Коковцова? Ему приходилось иметь дело с тремя военными министрами – Сахаровым В.А. (уволен 4 июля 1904 г. и убит эсеркой А.А. Биценко 22 ноября 1905 г.), А.Ф. Редигером (15 июля 1904 г. - 11 марта 1909 г.) и В.А. Сухомлиновым (11 марта 1909 — 13 июня 1915). Общий подход к проблеме обороны Коковцов объяснил депутатам Государственной думы, выступая перед ними 21 февраля 1911 г., когда его критиковали за расходы на оборону: «культура и прогресс могут быть обеспечены только тогда, когда страна не оставлена беззащитною в своей внешней безопасности» [3, с. 386]. Но военными вопросами Коковцову пришлось заниматься с самого начала своей деятельности как министра финансов – его назначение состоялось 28 марта, через два месяца после того, как 27 января 1904 г. началась русско-японская война.

Коковцов считал, что «главная задача, которая поставлена ныне, заключается в том, чтобы оградить устойчивость нашего денежного обращения» [26]. В своей записке он утверждал, что «не располагая сколько-нибудь достоверными сведениями о размерах

предстоящих государству расходах и допуская даже, что при продолжительности наступившей войны, общая совокупность их может достигнуть одного миллиарда рублей, следует с убеждением сказать, что наше денежное обращение, основанное на размене кредитного рубля на золото, следует и вполне возможно поддерживать» [26]. Коковцов подготовил план действий по сохранению золотого обращения, включающий получение внешних и внутренних займов. Комитет финансов одобрил этот план, и Николай II утвердил его. Коковцову удалось получить заем во Франции в сумме 300 млн руб., и осуществить займы на российском рынке [26]. В итоге золотое обращение удалось сохранить и это стало выдающимся достижением.

Естественно, Коковцов старался не допустить лишних военных расходов. Весьма характерной стала история с попыткой купить военные корабли в Чили – для ведения войны с Японией. Лоббировал покупку адмирал А.М. Абаза, брат бывшего министра финансов А.А. Абаза. Было решено купить четыре чилийские броненосца за 58 млн руб. Коковцов, опираясь на поддержку Николая II, настоял на том, что оплата будет произведена в Париже, «но не иначе, как в момент получения телеграммы и принятия судов под нашу команду» [26. с. 73]. Абаза и А. И. Вышнеградский, занимавший в то время должность вице-директора Кредитной канцелярии, были командированы в Париж. Коковцов вспоминал об этом так: «Абаза принял самый конспиративный вид, обрил свою классическую длинную бороду... . Не прошло, однако, и трех дней, как в бульварных газетах появилось фотографическое изображение Адмирала в двух видах: в адмиральской форме, с его классической бородой и в штатском одеянии, в мягкой дорожной шляпе и с гладко выбритым лицом. Под этими изображениями помещен короткий текст, объясняющей причину прибытия Адмирала в Париж и, кстати приведен и адрес гостиницы, в которой он поселился. Долго ждал Адмирал своих посредников и комиссионеров, да так и не дождался. Напрасно просидел и Вышнеградский для производства расплаты, и оба они вернулись ни с чем» [26. с. 74]. Очевидно, что жесткая позиция Коковцова позволила сберечь для государства крупную сумму денег.

Коковцов никогда не пытался выступать как политик, но это не значит, что он не разбирался в политике. В этом отношении характерна его докладная записка от 19 ноября 1904 г., адресованная Николаю II⁹. В этой записке Коковцов высказался о докладе, который сделал императору министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф. В докладе утверждалось, что

⁹ В описи фонда В.Н. Коковцова (ф. 966) эта записка озаглавлена «Доклад министра финансов Владимира Николаевича Коковцова императору Николаю II о необходимости заключения иностранных займов для поднятия обороноспособности России». Это название, конечно, неточно.

в связи с недружелюбным отношением к России со стороны Англии и США, необходимо «необходимо заблаговременно подготовиться к тому, чтобы дать отпор тем враждебным действиям, к которым державы эти могли бы прибегнуть в то время, когда сопротивление Европы будет сломлено». Для этого, полагал Ламсдорф, «надлежит ... немедленно изыскать все средства для надлежащего подъема общей боевой готовности России ко времени окончания войны с Японией» [27].

Сначала Коковцов четко излагает суть предложения Ламсдорфа – еще до победы над Японией надо настолько увеличить военные силы России, чтобы иметь возможность вступить в борьбу с Америкой и Англией. В этой борьбе России прежде всего потребуется сильный флот, который надо создавать параллельно с продолжением войны с Японией. Коковцов приводит финансовые расчеты, показывающие, что на ведение войны тратятся значительные средства и что найти деньги на новый флот практически невозможно, особенно с учетом того, что численность кораблей Америки и Англии в несколько раз превышает число кораблей России.

Особого внимания заслуживает главный тезис Коковцова: «По глубокому убеждению министра финансов, центр тяжести поставленного министром иностранных дел вопроса лежит не в усилении боевой готовности нашей до размеров, дающих нам возможность решительно выступить против возможных наших противников при заключении мира с Японией. При современных условиях международной жизни государство, не обеспечившее себя союзами и не создавшее дипломатическим путем такой группировки действующих на мировой арене политических сил, на которую оно, в случае надобности, могло бы твердо опереться, всегда рискует быть вынужденным поступиться своими интересами при столкновении их с интересами других стран, более выгодно обставивших себя в этом отношении» [27]. На этой записке Николай II написал: «Разделяю ваши соображения».

Коковцов и в дальнейшем использовал экономические аргументы для защиты подлинных политических интересов России. В декабре 1912 г. его Коковцова во многом помогли предотвратить начало войны с Австро-Венгрией, которая уже тогда могла перерасти в мировую. Болгария, ведя войну с Турцией, обратилась к России с просьбой временно передать ей два броненосца и два крейсера. Понятно, что у болгар не было соответствующих морских офицеров и матросов, поэтому корабли пришлось бы передавать с командами, а это, фактически, означало начало войны. Коковцов был резко против. В докладной записке Николаю II он писал: «Помышлять о новой войне с европейским

государством, хотя бы в защиту правого дела – ограждение интересов Сербии, - очевидно, можно только на словах и не неся ответственности за них» [28]. Тогда вступление России в войну удалось предотвратить, но в январе 1914 года Коковцов был отправлен в отставку...[29].

Заключение

Итак, как можно оценить деятельность Коковцова. Он поднимался по чиновной лестнице благодаря деловым и личным способностям. Коковцов вовсе не лукавил, когда, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства сказал, что он «старый петербургский бюрократ» [29, с.187]. Коковцов не видел в слове бюрократ ничего уничижительного. Когда Столыпин вел негласные переговоры с лидерами кадетов об их участии в правительстве, из этого ничего не вышло. А Коковцов с большой симпатией цитирует одного из них: «При современных обстоятельствах честные бюрократы принесут гораздо больше пользы, чем малоподготовленные общественные деятели».

Коковцов видел свою миссию в служении России, он и был эффективным государственным деятелем. Его оценка ситуации в России, возможности проведения той или иной политики ярко демонстрирует следующий эпизод. После покушения на Столыпина, когда тот еще был жив, к Коковцову пришла делегация националистов Юго-Западного края. членов Государственной Думы [29, с. 187]. По словам представителей партии, они были готовы поддерживать Коковцова в его деятельности, но при условии гарантий, что он будет продолжать политическую линию Столыпина. Ответ Коковцова имеет большое значение не только с точки зрения его позиции, но и для понимания механизма принятия решений верховной властью в России. В воспоминаниях он приводит свои слова: «прочной, всеобъемлющей власти сейчас в России никто, кроме Государя, не имеет и иметь не будет. Она дается только в минуту катастрофы и кризиса, когда приходится даже проявлять готовность поступиться многими существенными прерогативами. Но как только гроза проходит, все полномочия существенно видоизменяются и чем больше пользовался носитель власти своими полномочиями, тем скорее наступает его падение. ... Вот тот же Петр Аркадьевич, который теперь умирает, и которого вы считали осуществляющим программу Вашей партии, разве он, при всей своей кажущейся силе был вполне самостоятельным и в особенности прочен на своем посту. ... если бы пуля Багрова не пресекла его дней, то он все равно очень скоро сошел бы с политической арены, и никакая поддержка вашей партии не уберегла бы его. Он сознавал это лучше всякого, и уже почти накануне постигшей нас катастрофы прямо говорил мне об этом» [29. с. 414-415].

Коковцов искренне и преданно служил государю. Но поскольку он постарался в своих воспоминаниях честно описать те события, в которых он участвовал или для которых был свидетелем, то в итоге получился странный документ. Сам царь, царица, их окружение показаны так, что приходится согласиться с П.В. Милюковым: «В. Н. Коковцов в эмиграции

издал два тома воспоминаний, которые по отношению к царю и его ближайшему окружению могли бы служить настоящим обвинительным актом» [30, с. 250]. По мнению Милюкова, Коковцов «был странный человек, ... министр финансов, попавший потом в премьеры за то же свое качество: аккуратность и добросовестность в рамках принятого на себя служения. Там он охранял казенный сундук от посторонних покушений, в том числе и царских. И все мы соглашались с его репутацией “честного бухгалтера”. Здесь он охранял от покушений вверенные ему интересы патрона, не считая и сам себя ни в коей мере “политиком”, а только верным слугой престола» [30].

Милюков, как и многие, видел в Коковцове только «честного бухгалтера». В его словах очевидное противоречие. «Бухгалтер», который охраняет государственную казну от «царских покушений», уже не просто бухгалтер, это государственный человек. В восприятии современников и многих историков его фигуру заслоняли более яркие, как тогда казалось, личности – Витте, Столыпин. Характеристики, которые давали Коковцову его современники, мы приводим в приложениях к нашему тексту. Этот материал является дополнением к нашему исследованию.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что Коковцов был выдающимся государственным деятелем. Правильно понимая систему власти в стране, не стараясь играть роль публичного политика, обращаясь при необходимости напрямую к царю, проводя разумную финансовую и экономическую политику, Коковцову удалось многое сделать для блага России. Он действительно считал себя честным бюрократом, сторонником законности. Неукоснительное соблюдение законов, честность, эффективная финансовая политика, любовь к России – вот что характеризует Коковцова. Именно поэтому он сегодня так интересен для нас.

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы
РАНХиГС

Приложение №1

Извольский А.П. Из воспоминаний (министр иностранных дел в 1906–1910 гг.)
[31, с. 68-69]

Наиболее достойным представителем в этом кабинете был, несомненно, министр финансов Коковцов. Он сделался председателем Совета Министров после убийства Столыпина. Одаренный исключительными способностями в работе и всесторонне образованный, он прошел по всем ступеням чиновничьей иерархии и приобрёл большой опыт не только в финансовых делах, но и в различных областях административной деятельности. Он принимал участие в парижских переговорах о заключении большого займа, которые велись графом Витте, и вёл это деликатное дело с полным успехом. В отличие от большинства своих коллег он не питал враждебной предубежденности к Думе и показал себя склонным к искреннему сотрудничеству с ней, но его бюрократические навыки и отсутствие опыта в обращении с парламентскими учреждениями часто вызывали осложнения, которых можно было легко избежать при несколько большей дипломатичности с его стороны. Так, например, когда он пожелал указать, что, согласно манифесту 1905 года, министры ответственны не перед Думой, а только перед государем, вместо того чтобы сказать, что в России нет парламентского министерства, он вызвал всеобщее раздражение Думы заявлением, что «в России, слава Богу, нет парламента». С другой стороны, Коковцов обладал громадным даром красноречия: продолжительные речи, которые он произносил в Думе, характеризовались не только обширной эрудицией по содержанию, но также и блестящей формой, выслушивались с величайшим вниманием и, как правило, благосклонно принимались депутатами.

Приложение №2

Сазонов С.Д. Из воспоминаний (министр иностранных дел 1910–1916) [32, с. 316-317]

Я считаю долгом с благодарностью вспомнить здесь и ту поддержку, которую мне неизменно оказывал во время балканского кризиса и в другие трудные минуты моей служебной деятельности тогдашний председатель совета министров В.Н. Коковцов. Удаление от дел этого умудренного долгим государственным опытом и по природе своей осторожного и чуждого всяких увлечений человека было для меня весьма чувствительно, и я не раз имел случай глубоко сожалеть о замене его И.Л. Горемыкиным, старцем, утратившим давно не только способность интересоваться каким бы то ни было делом, кроме личного своего спокойствия и благополучия, но даже просто отдавать себе ясный отчёт в окружавшей его действительности.

...

Удаление графа Коковцова, заменившего Столыпина на месте председателя совета министров, имело весьма неблагоприятные последствия. У Коковцова была масса врагов из-за его малоуживчивого нрава, отсутствия гибкости и вкорененной долгой бюрократической службой привычки поступать по своим убеждениям, не принимая во внимание мнений своих противников. Названные недочеты этого незаурядного государственного человека не замедлили отозваться на его отношениях с Государственной Думой. Как учреждение молодое, она грешила преувеличенным самолюбием, которого Коковцов не умел щадить. При дворе у него не было поддержки, хотя Государь отдавал должное его качествам. Его резко отрицательное отношение к Распутину возбудило против него неудовольствие императрицы, привыкшей в последние годы дореволюционного периода оказывать свою благосклонность только лицам, расположенным к Распутину и его клике. При этих данных старания одного или двух влиятельных членов совета министров, настроенных неприязненно против Коковцова, привели к тому, что его дальнейшее пребывание во главе правительства стало невозможно. В начале 1914 года он был отстранен от должности и заменен Горемыкиным. В кресло, которое занимал отлично осведомленный в вопросах внутреннего управления и обладающий редкою работоспособностью Коковцов, опустился дряхлый и полуживой старик.

Приложение №3

Count Paul Vassili¹⁰. Character sketch of V.N. Kokovtsov [33, с. 186-191]

M. Stolypin was not yet dead when people began to make speculations as to his successor. He had occupied both the office of Minister of the Interior and that of Head of the Government. There were, therefore, two most important Departments to provide for, and though candidates were many, eligible people were but few. The Emperor did not like to see new faces about him, and this added to the difficulty. Of course intrigues went on, and ambition as well as eagerness had a considerable part in them, because, though everybody knew the great danger that attended the position of Prime Minister, it was nevertheless the most coveted post in the whole of the Empire, All the colleagues of the murdered statesman thought themselves entitled to become his successor, and each of them had his particular circle of friends who went about declaring that their candidate had the most chances. However, people in the know never doubted for a single moment that Vladimir Nicolaievitch Kokovtsov was the only man in Russia strong enough to replace M. Stolypin, and to take upon himself the onerous duties of Premier. But whether he would consent to leave the Treasury, at the head of which he had been for some years, was a matter of much speculation, and this uncertainty alone prevented the majority of St. Petersburg Society from congratulating him on his promotion.

Doubts were very soon at an end, and when M. Kokovtsov was summoned to Livadia his nomination was a foregone conclusion. Nevertheless, he had a surprise in store for the public because he only accepted the Premiership and refused to give up the Department over which he already presided, saying that he knew nothing about civil administration, and would only make blunders if he took the burden of it upon his shoulders. He recommended, therefore, to the Emperor one of his personal friends. M. Makarov, as the man most able to fulfil the duties connected with the direction of Home affairs.

M. Kokovtsov was a small man, with a short beard very neatly trimmed, and a general look of tidiness in every detail of his person as well as of his clothes. He had a pleasant face and was very affable in his ways, but he never looked one straight in the eyes, always seeming as if he was too much occupied with his personal appearance to think of watching that of others. Somehow or

¹⁰ Под этим псевдонимом публиковала свои произведения Екатерина Радзивилл, которая в Википедии характеризуется как писательница и аферистка русско-польского происхождения. Ее книга и, в том числе, глава о В.Н. Коковцове, безусловно, тенденциозна и не во всем достоверна. В частности, ее утверждения о финансовых операциях Коковцова или о его увлечениях женским полом относятся к категории сплетен. Тем не менее, это – единственная публикация того времени, в которой о Коковцове написано достаточно подробно. Следовательно, она должна быть известна и ее необходимо подвергнуть научному анализу.

other he gave one the impression that when he conversed with you, he was preoccupied with something he had forgotten, and the way in which he kept his glance riveted on his coat or on his trousers suggested the idea that these garments were dusty, and that he was angry at his valet's carelessness in brushing them. In a word, one felt that he was too neat, too well groomed, too polite, too civil, and too anxious not to forget what he ought to say or what he ought to do. His manners seemed to have been learned only recently, and somehow one always expected to find near him, ready to be consulted, some manual of etiquette for beginners, with indications as to what one must do in good society, and the errors in which one must not fall if one wants to frequent the company of cultured people. One would have preferred to find some hesitation or some impatience in his way of talking or discussing, but the clear manner in which he expressed himself always reminded one of fables, recited by children, and learned by them at school. This is the impression created. In reality M. Kokovtsov is certainly a clever, intellectual, and intelligent man, cultivated, and extremely well read. He speaks several foreign languages, of which fact he is inordinately proud, and can hold his own everywhere, even with gentlemen born and bred. His own origin is neither low nor high, but essentially middle class, and he bears the stamp of having lived for a long time with middle-class people. His early career in every respect was a normal one; he rose step by step as years went on, and whatever duties were imposed upon him he fulfilled exactly and thoroughly. In a country where political men are many, he would not have been employed otherwise than as an excellent *sous ordre*. In Russia, where there is such a poverty of statesmen, he undoubtedly fills the position of one.

Vladimir Nicolaievitch is subtle by temperament, and very secretive in all he does. He is excessively alive as to his own interests, and it is said that he does not disdain to use his official position in order to improve his private one. For instance, his brother was chairman of the Kieff Voronege Railway, in which he himself possessed a considerable number of shares. Certain financiers believe that the shares in question would never have climbed to the high price at which they are now quoted were it not for this combination of circumstances. Other examples of the history of commercial concerns in which he was interested have formed topics for gossip, to the effect that it is very much to be regretted that he had allowed people connected with him to be suspected of using the information he could have given to them, or the protection which it was possible for him to afford to them, in order to enrich themselves or to improve their positions. Caesar's wife enjoyed certainly a better reputation than certain persons standing in close relationship with our Prime Minister.

The great defect of M. Kokovtsov is that he is above everything a financier, and this is not exactly what is required from the Head of a Government, who ought to look at things and at facts

from a higher point of view than that of pounds, shillings, and pence, though these play such an important part in the world.

He has had very great successes in his administration of the Russian Exchequer, and certainly he has made for himself among European financial and commercial circles an excellent position and reputation, which he undoubtedly deserves. But his mind has remained for such a long time concentrated upon purely material questions that it is not to be wondered if other matters interest him less. Social matters have very little attraction for him, except perhaps in the sense that the condition of the working classes being connected with the financial one of the country could not be neglected. But it is to be doubted whether he has quite realized the danger that threatens not only Russia, but the whole world, from the army of artisans and factory workmen who now know what force they represent, and who want to take the upper hand in everything. In giving this character sketch I do not wish to detract from the solid qualities of the Prime Minister, nor to accuse him of lack of political foresight. On the contrary, I am convinced that he has made higher politics the subject of his studies, and that he has even mastered them in a certain sense, as well as a man who has taken to them late in life can do. His intelligence is extremely perceptive, and he is not wanting in finesse nor in diplomatic aptitude. His suave manners ensure him success with those with whom he has to deal, and certainly these qualities have impressed the Emperor favorably, and won him the confidence of his Imperial master; but nevertheless, he has not proved himself so far able to take a leading position among Russian statesmen — I am not even thinking of foreign ones. The energy that distinguished M. Stolypin is not one of the characteristics of his successor, who is only firm where he can do so with impunity, and who is not gifted with the courage or the fatalism that made Stolypin view with such impassiveness the bullet or the knife which he was but too well aware would strike him one day. His ambitions also lead him in quite a different direction than that in which his predecessor travelled. M. Kokovtsov is not of a fighting temperament or disposition. He entertains for blood and sanguinary deeds the aversion that every clean man feels for dirty things, and he is a great lover of his own comfort and his own welfare. His placid temper makes him avoid every subject of dispute, and he is more insensible, than is the case with Russians in general, to the honors and dignities that have been showered upon him lately. Too wise to take upon himself a risk that might endanger the reputation for cleverness which he has succeeded in acquiring, he has managed to steer clear of difficulties and to make others responsible for his mistakes. His refusal to take upon himself the difficult duties of Minister of the Interior proceeded from the clear perception he had that this post was the one where responsibilities are the heavier and where one can the least escape them.

No one knows whether M. Kokovtsov's opinions are Liberal or Conservative, so carefully has he always avoided parading his views before the public. Some people who know him well affirm that he is an opportunist. The fact is that he has seldom been cajoled into saying in private anything else than what he has uttered in public.

His last speech at the opening of the present session of the Duma was certainly a clever production, but it hardly bears analysis, because when examined carefully its emptiness becomes immediately apparent, and one realizes that its contents are nothing but vague promises for which neither the Government represented by him nor the Emperor can be made responsible, so carefully have they been worded.

The Duma does not care for M. Kokovtsov and does not appreciate the adroitness of his mind. At the same time, it does not entertain for him the respect which, in spite of the hatred which he had inspired, it felt for the character of M. Stolypin. And if the present Legislative Assembly contained more independent elements, it is probable that the opposition to the person of the Prime Minister would take a more acute form. But the last elections have been conducted so entirely under the influence of the Government that with the exception of the most prominent members of the Opposition, such as M. Maklakov, M. Milioukov, and others of the same importance, scarcely any of the Deputies whose opinions made them the antagonists of the Cabinet were re-elected, and the official candidates stepped into their places. This last fact was entirely due to the clever manner in which M. Kokovtsov conducted the election campaign, and the instructions which he gave to the Governors of the different provinces of the Empire, as to the best way to ensure the success of the men in whom he had confidence, and whom he hoped to find submissive machines ready to vote according to his direction. Nevertheless, even this Assembly, composed almost entirely of his creatures and sycophants, became disgusted at some decisions of the Government, and voted against it upon several occasions. In Russia, however, a Cabinet does not resign if it is in the good graces of the Sovereign, and M. Kokovtsov never dreamed of retiring on account of the censure of the Duma.

This does not mean that he will remain long in power. Very likely he had hoped to be able to resign the responsible post after the tricentennial celebrations of the Romanoff Dynasty, and as he did not then receive the title of Count, nor the blue ribbon of St. Andrew, he is doubtless waiting for another opportunity to arise, after which he will not be sorry to retire into private life.

His private fortune is considerable, and he has judiciously enlarged it during the years that he has been in office; he is clever enough to feel that his personal influence on the Emperor is not quite the same as it was earlier, and very likely he would prefer to retire into private life before

this fact became generally suspected. I should not therefore be very much surprised if he left the field free to more enterprising spirits. He will be glad to retire with the knowledge that during his tenure of the Premiership no political crime darkened it, and that it was not disturbed by revolution.

The fact seems clear that the Anarchist party is once more coming to the front, and that very likely we shall soon see a new rebellion break out, better organized than the last one, with more partisans, and with more chances of success. The Universities, where, as usual, riots occurred earlier than in any other center, have lately been the scene of tumultuous meetings, during which the students discussed the measures adopted by the Government in regard to them and in regard to the administration of the country. Censure votes were passed, and the agitation was so strong that at last the police interfered, with its usual brutality, which only aggravated the discontent of all these young people, among whom generally are found the first elements of a rebellion against the organized order of things.

On the other hand, in the different factories, of which so many exist in St. Petersburg, the anarchist propaganda has also made enormous progress; the recent strikes that have taken place prove it but too well. Though the country is certainly more prosperous than it has ever been, yet the growing cost of living has prevented many people from feeling this prosperity, and discontent is more apparent than a year or two ago.

M. Kokovtsov must be aware of this state of things, and very likely he is just a little tired of the perpetual anxiety under which he is obliged to work and to live. He is also not quite in accord with his colleagues, and not able, like M. Stolypin, to impose his own will against their intentions. His relations with M. Makarov, whom he had recommended for the post of Minister of the Interior, did not for long keep on an amicable footing, and the latter had to retire owing to some differences which arose between him and the Premier. M. Kokovtsov thought that the choice of the new Minister would be left to him, but there a surprise awaited him. The Emperor for once wanted to appoint a man whom he personally liked, and who had pleased him by the manner in which he had seemed to enter into the spirit of the orders which he had given to him. And without taking the advice of Vladimir Nicolaievitch, he appointed in the place of M. Makarov, M. Maklakov, Governor of the province of Chernigov, a comparatively young man, under forty-five years — an age at which Ministers had never before been chosen — who had attracted his attention during his journey in the south at the time of M. Stolypin's assassination. M. Maklakov, whose brother is the leader of the Opposition in the Duma, is just as Conservative in his opinions as the latter is Liberal. Like all the members of his family, he is clever, and some people see in him a second Stolypin. Whether this will be so remains to be seen, and it is too early to prophesy. The

man is unknown, and of course surrounded by flatterers and jealous people. Those who see in him the favorite of the Sovereign cringe before him and try to make themselves useful to him; those, on the contrary, who doubt his ability to replace M. Kokovtsov, which rumor says will soon be necessary, do not find words hard enough to condemn the choice that has placed him at the head of the most important Department in the Empire.

It seems that what drew the attention of the Emperor to M. Maklakov was the following occurrence. When Nicholas II. visited Chernigov — it was immediately after Mr. Stolypin had been assassinated by the Jew Bogrov — everybody around the Sovereign was lamenting the death of the Prime Minister, and one thought that by doing so one was pleasing the monarch, and that by saying the loss which the country had suffered in the person of Stolypin was irreparable, one was only giving expression to the feelings which animated him. M. Maklakov alone remarked that though it was terrible and sad that such a dastardly crime had put an end to such a useful life as had been that of the late Minister's, yet one had no reason to fear the future, because with such a wise Sovereign as Nicholas II., one was sure that the interests of Russia would not be neglected, and that he would know where to look for a worthy successor to Stolypin and where to find him. The words pleased the Tsar, and when the retirement of M. Makarov became an accomplished fact, he called M. Maklakov to St. Petersburg, and appointed him in his place.

M. Kokovtsov did not like this and resented the way in which he had been ignored. Friction between the two men has already occurred and may in time result in strengthening Vladimir Nicolaievitch in his decision to retire, not from public life, but from the Premiership, in the full glory of his success.

In such a position he would always be consulted in important matters and questions and could enjoy the liberty of doing what he liked. One of the amiable weaknesses of the present Prime Minister consists in his admiration of the fair sex. This has often occasioned severe criticism, as it was generally felt that when one has assumed the task of ruling an Empire like Russia, one ought to be more reserved in one's actions, and not allow the world to say that one is ready to forget the interests of the country whenever a fair siren has consented to smile upon one. The rumor has been current in St. Petersburg that one could obtain what was wanted from M. Kokovtsov through the intervention of a lady friend.

But, with all his defects, Vladimir Nicolaievitch has done a great service to the Empire, and that was to place his veto upon the ridiculous enthusiasm that was engineered quite artificially in the country for the cause of the Slav kingdoms. At one time it was feared that these madmen would entangle Russia in a war with Turkey or with Austria, which it is doubtful would prove to

the advantage of Russia. M. Kokovtsov alone had enough common sense to oppose his influence to that folly, and to prevent the continuance of this senseless agitation. He exposed to the Emperor the situation in which Russia found herself, and the disaster that a war would entail upon her. He spoke of the state of the finances, and of the ruin which a campaign would bring. He opened the eyes of Nicholas II. to the condition of the country, and to the peril that threatened the whole world were a general war of the different States of Europe to break out. He had the tact to impose silence on the Chauvinistic newspapers that excited the public mind not only against the Turks, but also against the Government, which would not allow itself to be drawn into the quarrel of the Balkan States with the Sultan, and he contrived, together with M. Sazonov, to avoid difficulties with Austria, and to ignore the provocations of the Austrian press.

Of course, it is impossible to tell what the future holds in reserve, but if only for the ability with which during the course of last winter, amidst innumerable difficulties, M. Kokovtsov has displayed, for the dignity with which he has repulsed the advice that was given to him by people who spoke of the honor of the country engaged in defending the Slavs, and by the firmness which he preserved the whole time that the crisis lasted, he deserves the gratitude of Russia and of every sane and well- intentioned person not only in Russia, but in the rest of Europe also.

Библиография

1. Коковцов В.Н. Из моего прошлого: Воспоминания, 1903–1919. В 2-х т. Paris: [Изд. автора], 1933.
2. Kokovtsov, Russian minister of finance, 1904–1914, chairman of the Council of ministers, 1911–1914. Stanford – London: Stanford Univ. Press; H. Milford, Oxford Univ. Press, 1935.
3. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911–1919. [Сост. текста, вступ. ст. Волк С.С.]. М. : Современник, 1991; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1903–1919 гг. [В 2 кн. / Вступ. ст. В.И. Бовыкина]. М.: Наука, 1992.
4. Векшина Ю.А. Граф В.Н. Коковцов — государственный деятель Российской империи. СПб.: Нестор-История, 2008. Соколова Е. А. Эволюция общественно-политических взглядов В.Н. Коковцова (1866–1943 гг.). Воронеж: Полиграф-ИТОУР, 2009.
5. Kokovcov V. N. Five years of Bolshevik dictatorship: An economic survey. L., 1922; Kokovtsoff W. Le bolchevisme à l'oeuvre: la ruine morale et économique dans le pays des soviets. Paris: M. Giard, 1931.
6. Алексеев М., Пачкалов А. Министры финансов. От Российской империи до наших дней. 2-е изд. М.: Альпина паблишерс, 2019.
7. Изгоев А.С. На перевале. Смена // Русская мысль. 1914. Кн. II.
8. Коковцов В. Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М.: Дом Русского Зарубежья: Русский путь, 2011.
9. Ковалев М. В. Граф Владимир Николаевич Коковцов в эмиграции (по новым архивным материалам) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2015. Т. 14. № 8.
10. Некрасов С.М. Последний попечитель / Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. М., 2011.
11. Воронежцев А.В., Ковалев М.В. Жизненный путь графа В.Н. Коковцова / Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний: из моего детства и лицейской поры. М., 2011.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. - СПб. : Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. - Т. 31. – N 24325.
13. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917.
14. Биобиблиографический справочник. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
15. Коковцов В.Н., Рухлов С. В. Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1890.

16. Алексеев М., Пачкалов А. Министры финансов. От Российской империи до наших дней. 2-е изд. М.: Альпина паблишерс, 2019.
17. Соколова Е. А., Алексеев И. С. Советская промышленность в оценке представителя русской эмиграции В. Н. Коковцова // Вопросы гуманитарных наук. 2010. № 5.
18. Соколова Е. А., Плешаков А. Н. Новая экономическая политика большевиков в оценке представителя русской эмиграции В. Н. Коковцова // Исторические науки. 2010. № 5.
19. Канкрин Е. Ф. Мировое богатство, национальное богатство и государственное хозяйство. М.: ИД «Дело», 2018.
20. Рейтерн М. Х. Об улучшении финансового и экономического положения России. М.: ИД «Дело», 2020.
21. Белых А.А. Предисловие / Кудрин А. Л. Экономическое развитие России. Сост., науч. ред. А. А. Белых. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
22. Мау В.А. Государство и экономика. М.: ИД Дело, 2017.
23. Доклад 19 января Доклады В.Н. Коковцова императору Николаю II // Красный архив. 1925. № 4–5.
24. Белых А.А. Деятельность М. Х. Рейтерна: фактор доверия // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2.
25. Рейтерн М. Х. Об улучшении финансового и экономического положения России. М.: ИД «Дело», 2020.
26. Представление Особенной канцелярии по кредитной части в Комитет финансов о финансовом положении и о мерах, необходимых в виду военных действий. РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.
27. РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.
28. Доклад В.Н. Коковцова Николаю II. 2 и 23 дек. 1912] // Красный архив. 1927. Т. 6.
29. Циркулярное письмо В. Н. Коковцова министрам и главноуправляющим об обращении свободной наличности Казначейства на нужды обороны. РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 9.
30. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Издательство политической литературы, 1991.
31. Извольский А.П. Воспоминания. Пг.; М.: Петроград, 1924.
32. Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002.
33. Count Paul Vassili. Behind the veil at the Russian court. London: Cassell & Co., ltd. [1914], chapter XVII, pp. 186 - 191.